

Почему путешественник во времени не обнаружит нас летящими на другие планеты? Хотя бы уже потому, что мы не изобретем способ путешествия во времени.

Первое, что надо понимать, проза Урсулы Ле Гуин это нечто мощное и каноничное — как и все, сделанное в 60-ых. Видишь, что добротное и круто, но не сразу понимаешь, как устроено, для чего вообще нужны некоторые детали. Однако все встанет на свои места, когда мы вспомним, что в год первой публикации «Волшебника Земноморья» на прачечных висели таблички «для белых» и «для цветных». И речь вовсе не о типах тканей.

Никогда не любил фантастику как жанр, но к книгам Ле Гуин это, конечно, не относится. В силу, во-первых, высокого качества прозы, что отсылает нас ко временам, когда это не было чем-то из ряда вон выходящим, поскольку планка была установлена очень высоко, как у литераторов в целом, так и у коллег по цеху в частности. Во-вторых, как формулировала свой взгляд на жанр сама писательница, история про единорогов может быть вполне правдивой, несмотря на тот факт, что основной предмет описания строго говоря — ложь. Это фантастика для гуманитариев. Ле Гуин интересует не способ перемещения в космическом пространстве, не технология создания жидкости, в которой невозможно захлебнуться, а облик человека в грядущем. Ведь как бы мы ни саботировали процесс, будущее непременно наступит, и неважно, что летающих машин у нас не появится. Как и герои ее произведений, мы, если признать себя, уже прилетели, уже все изобрели, нам предстоит долгое постижение.

У Земноморья нет очерченных границ, нет фэнтезийных рас. Земноморье не является непролазным средневековьем, утопающим в вечной слякоти, герои книги не умирают на каждой странице. Собственно говоря, и волшебник-то условный. Литературная фантастика хороша в том случае, если ее невозможно экранизировать. Вместе с тем, этот удивительный текст, ускользающий от всех форм, которые так или

иначе заставят его работать для получения прибыли, пожалуй, один из самых лучших материалов для постижения эстетики литературного произведения. Это пластилиновый океан, недоступный грубым рукам, но податливый для фантазии. Мы можем представить карту Земноморья при взгляде на островки облупившейся со стен муниципального учреждения краски, мы можем так отчетливо представить лица героев книги, будто нам показали их фотографии. Земноморье — это некоторое пространство, где расстояние нужно не пересечь, а прожить, где нельзя сделать прививку, но можно отсечь руку. Главные герои будут снова и снова пытаться разглядеть своего упрямого Бога, который снова и снова будет вглядываться в них.

Интересно познакомиться с образом, которым обозначено зло на страницах «Волшебника Земноморья». Что может стать таким абстрактным символом? Тридцатилетний детина, который порывается поучать жизни все свое окружение, пусть даже это автобусная остановка. Ну еще, может быть, Рональд Рейган — все остальное не дотягивает до категории абсолютного зла. На самом же деле злом становится все, что человек способен понять до конца. Сложно сказать, намеренно ли уродуются и искажаются те или иные понятия, либо это происходит по каким-то независящим от человеческой природы законам. Возьмем даже самую благородную и правильную идею, например, учить детей. Переведем взгляд с этой абстрактной мотивации на систему детского и юношеского образования в любой стране мира и постараемся не ужаснуться от того абсурда, в который изначально чистая и понятная мысль превратилась. Более того, этот абсурд, это зло начинает преследовать человека, стоит тому возомнить, что его воле все подчиняется, что все ему доступно. Чтобы избавиться от такой погони, надо поставить себя на самый край той экзистенциальной пропасти, в которую превращается существование загнанного злом человека, на самый край той бездны, в которую провалилась страдающая душа. Потому-то человек и не летит на другую планету, что он до конца не познал и открыл эту. Как бы ни было обидно это осознавать, смеяться можно далеко не над всем. Да, это не ошеломляющая мудрость, но за нее очень многим пришлось дорого заплатить.

Из произведений Урсулы Ле Гуин становится ясно, что это интересный и глубокий философ-феминист, анархист, внимательный антрополог и социолог. Но можем ли сказать, что это религиозный человек? «Нет правильных ответов на неправильные вопросы» — это ее цитата, которая как нельзя лучше подойдет в данном контексте. Научная фантастика — сам по себе религиозный жанр, более того, принадлежащий к типу религиозности с высоким содержанием неопитского фанатизма. Как удивительно: люди становятся готовы до смерти отстаивать религиозные постулаты, стоит намекнуть, будто это секулярная тема и основа научного прогресса. Приходится признать — фантасты те еще плуты — эльфы эльфами, а проводят нас раз за разом.

Итак, что позволяет нам возвести писательницу в чертог культовых авторов? Она талантливый человек, она принадлежит к пантеону шестидесятников, пусть и отмечена в основном регионально значимыми наградами, наконец, как любой культурный деятель, которому за восемьдесят (родилась писательница в 1929 году), она имеет право на культовый статус. Но что еще? Урсула Ле Гуин трудится над созданием нового мифологического полотна для человечества. И вот здесь стоит искать истоки ее странных образов, неподдающихся воплощению, но мгновенно воспринимаемых нашим сознанием. Что-то древнее, неочевидное, словно бы пришедшее из бесписьменной культуры. Пытается донести суть явлений, предметов и понятий, что-то важное показать и объяснить. Драмы сюда также добавляет тот факт, что человек крайне мало изменился с тех далеких времен. Открытие электричества не повлияло на то, что такие понятия как жизнь и смерть, добро и зло потеряли для нас ореол тайны. Мы такие же перепуганные и сомневающиеся. Нас все еще вгоняют в оцепенение гром и

молния. И когда мы полетим на космических кораблях, ничего опять же не переменится. И в этом свете научная фантастика по выражению самой Ле Гуин — это «трагичный» миф.

Мифотворчество можно назвать отличительной чертой многих авторов, чьи произведения (основные, во всяком случае) были написаны в двадцатом веке. Толкин, Платонов, Джойс, Маркес, Буццати, Воннегут — самые, пожалуй, яркие, но, разумеется, не единственные. Возможно, это такой опознавательный жест: бросить флаг, найти своих. Возможно, это своего рода осознанная необходимость, пропуск в мир литературы, закон, по которому стоило создавать художественные произведения. Романтика нового эпоса: книги перечисленных авторов можно открыть на любой странице — кардинально ничего не изменится, так же, как ни на что не повлияет выбор книги, с которой мы начнем знакомиться с творчеством. Вероятно, для современной литературы также уместно (или хотя бы возможно) выработать некий этикет, если угодно. По всей видимости, осмысление этого вопроса нам еще предстоит, но на инстинктивном уровне мы можем сказать, что, вероятно, современная литература — это очень сложный, перегруженный непрямым цитированием и отсылками текст, в котором, чтобы выразить даже простейшую мысль, требуется проделать очень большой путь, схематично отражающий массивный культурный пласт, повлиявший на формирование личности автора, а также исторически и социально значимые события. Буквально все от изобретения дымного пороха до Бури в пустыне и от стремления средневековых авторов уменьшить яркость собственной личности до коленопреклонной Марлен Дитрих, целующей руку Паустовскому.

Фантаст — это тот писатель, который умеет точно определить все случайные моменты нашего бытия и заменить их на что-то нетривиальное — магию или здоровый феминизм — подумалось мне, когда я закрыл книгу Ле Гуин. Кстати говоря, эту винтажную штуку достать не так-то просто: пока дождетесь доставки букинистического издания начала двухтысячных годов из Штатов, запросто можно перечитать все фэнтези, от которого начинается конъюнктивит и ломятся полки наших книжных вот уже лет двадцать. Счастье — это найти «какой-то свой путь в мудрые книги».